

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

Ну и дела!

САМЫЙ
УСПЕШНЫЙ
ПРОЕКТ
ГОДА

CD

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Ну и дела!

«Научная книга»

Серова М. С.

Ну и дела! / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

При загадочных обстоятельствах исчез один из главарей тарасовской группировки по кличке Сапер. Под угрозой смерти частный детектив Татьяна Иванова получает заказ найти и убрать его. Но не все так просто в этой истории, как кажется на первый взгляд. В ходе расследования выясняется, что Сапер заказал собственное убийство... Почему? Только ответив на этот вопрос, Татьяна Иванова сможет выжить....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Ну и дела!

Глава 1

Не открывая глаз, я сладко потянулась. Возвращаться в утреннюю реальность не по-осеннему жаркого сентября мне не хотелось.

Люблю сны про дождь. Стук капель по листьям – что может быть приятнее в этой противной жаре? Осенний лес, мокрые листья, прохладные капли на лице...

Нет, хватит торчать в нашем резко континентальном климате. А что? Разве я не заработала пару недель отдыха? Где-нибудь в Скандинавии. Ведь там уже настоящая осень?

Вот встану сейчас и напишу заявление:

«Директору частного сыскного агентства Ивановой Т. от старшего детектива Ивановой Т.

Прошу предоставить двухнедельный отпуск в связи с успешным завершением дела об ограблении ювелирного магазина „Аурум“. По существу дела докладываю: похищенные бриллианты оказались обычным кварцем, ограбление – инсценировкой. Директор магазина – в КПЗ, гонорар получен и сдан кассиру Ивановой Т.».

Сама и резолюцию наложу: «Не возражаю. Иванова Т.».

Впрочем, стоит ли разводить бюрократию? Бумаги всякие плодить. Раз уж я не возражаю...

Я наконец открыла глаза.

Секунд пять я еще наслаждалась ласкающим слух звуком капли.

– У кого бы уточнить, сплю я или нет? – произнесла я, уже не сомневаясь в последнем.

Хватило одного взгляда на потолок.

С него шел дождь.

Осенний дождик из моего приятного сна.

Увесистые капли стучали по крышке письменного стола...

Да и черт с ним.

Вставать по-прежнему не хотелось.

По стопке чистой бумаги на столе...

Стоит ли из-за этого беспокоиться?

По свежему номеру журнала «Парапсихология», который я вчера даже раскрыть не успела.

Вот это уже серьезно. Терпеть не могу раскисшей бумаги. Надо спасать журнальчик.

Я вскочила с постели и бросилась к столу. Увы, журнал уже плавал в луже и весь набух от влаги, словно губка.

Ритм потолочной капли тем временем с вялого «andante» перешел на уверенное «allegro» и явно нацелился на «molto allegro».

С криком «Полундра!» я бросила на стол какой-то тазик и, натянув на ходу свитер и джинсы, сунула в карман ключи и через три ступеньки устремилась на верхний этаж.

Наверняка этот розовый толстячок Юрочка умотал на дачу и забыл закрыть кран. А его вечно обиженная на жизнь жена еще три дня назад уехала к родне в район жаловаться на своего непутевого муженька-лежебоку.

Открыть шпилькой замок Юрочкиной двери для взломщика с такой квалификацией, как у меня, – пять с половиной секунд. Вот если бы мне пришлось иметь дело с дверью в мою квартиру, я бы провозилась наверняка не менее полчаса. Я сама придумала оригинальную

систему, повышающую секретность замка, но, даже зная ее принцип, справиться с ней без ключа нелегко. Поэтому я никогда не покидаю свою квартиру, не захватив ключей.

Так и есть – в коридоре воды по щиколотку, а из ванной доносится явное журчание воды. Я устремилась к ванной комнате.

Распахнув дверь, я успела выбросить вперед правую руку и костяшками пальцев резко ткнуть стоявшего за дверью человека в основание шеи.

Однако я не услышала характерного после таких ударов хрипа.

Падая вместе с незнакомцем, я боковым зрением зацепила в зеркале над раковиной умывальника отражение темной фигуры, опускающей на мою голову руку с пистолетом.

Последним из моих органов чувств отключился слух.

«Голову придержи, захлебнется», – голос отдалялся и таял вместе с моим сознанием.

«Чего это они обо мне заботятся?» – подумала я и провалилась в небытие.

Сознание вернулось вместе с сомнением, что со мной все в порядке.

Болела голова. Мои руки, которые оказались почему-то у меня за спиной, затекли. Двигать я ими не могла.

Я попробовала открыть глаза, но так и не поняла, удалось мне это сделать или нет. Мутная тьма, в которой я куда-то плыла, не рассеялась.

Наконец до меня дошло, что я сижу с вывернутыми назад руками и каким-то темным чехлом на голове.

Я пошевелила пальцами ног и ощутила набухшие от воды домашние шлепанцы.

Воздух был влажным, и пахло мокрыми половиками.

Подведем итоги ревизии: обоняние вернулось, осязание – тоже, что со зрением – пока трудно сказать. Хорошо, хоть ноги двигаются.

Наносить удары я умею и в темноте – на слух.

Почему, кстати, так тихо?

И что же такое с памятью?

Ах да, осенний дождичек...

Я припомнила испорченный журнал, и настроение мое резко ухудшилось.

Ко всему прочему, мне удалось пошевелить пальцами рук и ощутить на запястьях наручники. Это меня окончательно расстроило.

Когда только эта «гопота» научится разбираться в своих делах без моей помощи! Я по горло сыта их умильной манерой общения: вместо «здравствуйте» – железякой по голове, потом или свяжут, или в мешок засунут. Сроку дают не больше трех дней, и не вздумай отказываться – «башку прострелю!». А неразрешимая загадка для них всегда только одна – не знают, кто их «кинул» или подставил. Ну, когда знают, там разборки простые – пороховой дым коромыслом, горы трупов, море крови. Впрочем, все их загадки выеденного яйца не стоят – для меня. Обычно я в срок укладываюсь.

Что самое неприятное – с деньгами они расставаться не любят. Сама не позаботишься – гонорар не получишь. Вместо долларов расплатиться норовят парой выстрелов. Интересно, вот если кому-то из них удастся меня пристрелить в качестве вознаграждения за отлично сделанную работу, к кому они потом будут обращаться со своими проблемами?

Короче, вывод из анализа ситуации следующий: меня ждет очень неприятный клиент.

Кстати, чехол на голове – это что-то новенькое. Обычно они любят покрасоваться, мускулами поиграть.

Итак, поскольку я жива – значит, со мной хотят вступить в переговоры и собираются диктовать свои условия.

Нагло, но в современных традициях.

Что ж, послушаем, о чем речь. Пора подавать признаки жизни.

Я издала легкий стон.

– Очнулась, сыщица? – хохотнул где-то впереди и вправо хрипловатый голос.

Судя по тембру, его обладателю было лет тридцать – тридцать пять. Он явно наслаждался ситуацией, довольный тем, что так легко обвел вокруг пальца известную всему городу своей интуицией Ведьму.

«Сучонок!» – чуть было не сказала я, но вовремя остановилась. Злоба – верный источник энергии, но бездарный советник.

– Я беру двести долларов в сутки. Кроме того, вы оплачиваете непредвиденные расходы. Кроме того – делаете ремонт в моей квартире. Кроме того – моральный ущерб за насилие над личностью. Моей. Все это вам обойдется в сумму...

– Молчать! – рявкнул тот же голос уже гораздо ближе ко мне. – Шерлочка Холмсова!

Мы оба помолчали.

Я хорошо представляла местоположение его головы и левого уха, за которым находится особая парализующая точка. Легкого прикосновения большого пальца моей правой ноги было бы достаточно, чтобы он провалялся без сознания гораздо дольше меня. К сожалению, я так и не смогла определить, наедине мы с ним или нет. Его подручные, число которых я чисто умозрительно определила как «минимум двое», ничем не выдавали своего присутствия. Но это не значило, что их не было рядом.

Не люблю боли, а без помощи зрения трудно уворачиваться от ударов.

Макушка моя болела, словно мне туда гвоздь вбили.

Я поморщилась.

– Ты мне не хами, Иванова, – уже спокойно продолжал мой невидимый визави.

Мне даже показалось, что тон у него стал слегка заискивающий.

– Я тебе работу предлагаю. По твоему профилю.

– Я в отпуске.

– Считай, что тебя отозвали. В связи с производственной необходимостью.

– Почему вы решили, что я займусь вашим делом?

– А куда тебе деваться?

– В Швецию. Или в Норвегию. Там, говорят, сейчас прохладно.

– Не сегодня.

– А когда?

– Когда найдешь мне одного человека.

Мы еще помолчали.

– Я же просил не хамить. А я прошу редко. И только нужных мне людей.

Станный какой-то клиент. Другой бы в ухо мне уже заехал. А этот чуть ли не извиняется.

Что-то он слишком уж нервничает.

А нервничать, по правде говоря, нужно мне.

Ситуация, знаю по опыту, серьезная. Козырей у меня – ни одного.

Нужно хотя бы информацией обзавестись.

– Ладно, давайте о деле. Мне в любом случае нужно узнать подробности. Хотя бы для того, чтобы отказаться.

– Деловая, блин! Отказаться... Я – Коготь. Слыхала?

«Конечно, слыхала!» – хмыкнула я про себя, стараясь не реагировать на слишком уж известную в Тарасове фамилию.

– Слыхала...

Он был этим явно удовлетворен.

– У меня пропал человек. Ну... после меня – второй. Ну, заместитель мой, что ли. Все мои дела вел. И пропал. Это наверняка Заврайон. Или узбеки. Саид, то есть туалетный паша. Знаешь его?

«Кто же в Тарасове не знает Саида Хашиева, главу узбекской общины, владельца сети платных туалетов в центре города? Многими, очень многими уважаемый человек. Кроме архитектурно-сантехнических сооружений, владеет шестьюдесятью процентами лотков в окрестностях городского универмага. Восьмое место в реестре тарасовских частных капиталов. У тебя, Коготь, кстати, – двадцать второе. Только зачем ему с тобой связываться?» – все это пронеслось у меня в голове за долю секунды.

Я молча кивнула.

– Саид хочет меня обуть. Я завод покупаю. Авиационный. Большие деньги отдаю. Сапер... Это Димку, зама моего, Сапером кличут. Он все знает. Сколько, где и когда. Встречу я уже отменить не смогу. Стрелки забиты на воскресенье. Я Сапера знаю. Три дня он молчать будет. А потом расколется.

– Я-то тут при чем? – прервала я его монолог.

– Ты его найдешь. И уберешь.

– Не по адресу. Это не мой стиль.

– Плевать на твой стиль. Не сумеешь – я тебя сам пристрелю... – Заткнись! – вдруг заорал он, хотя я просто молча обдумывала свое положение. – Гонорар свой получишь. После того. Все?

Я молчала.

А что я могла сказать?

– Иди. У тебя есть три дня. Сегодня вторник. До вечера можешь подумать. На картах погадать.

Он хохотнул.

– В среду начнешь работать. В субботу утром отчитаешься. И получишь свой гонорар. Если правильно все сделаешь.

Я поняла, что аудиенция окончена. Их криминальное сиятельство меня отпускают.

До поры до времени.

Кто-то, может быть и сам Коготь, взял меня за плечо и поставил на ноги.

Тысячи иголок вонзились в затекшие ступни.

Куда там махать ногами, ходить-то толком не могу.

Несколько шагов по коридору я шла на ватных ногах, покачиваясь, как с глубокого похмелья, и надеясь только на своего невидимого конвоира, что он не даст мне врезаться лбом в косяк.

Меня вывели на площадку.

Девять ступенек вниз. Поворот. Еще девять ступенек.

Я стояла перед дверью в свою квартиру.

– Иванова, – услышала я приглушенный голос Когтя у самого своего уха, – давай без фокусов. Иначе это окажется твоим последним делом. Незавершенным.

Вот и последнее предупреждение получено.

Сейчас совершится ритуал прощания.

Мои затекшие руки вдруг освободились и повисли по бокам.

«Наручники сняли», – догадалась я, сама поражаясь своей проницательности.

Я почувствовала, как чья-то рука совершенно бесцеремонно лезет мне в карман. В сочтении с собственной беспомощностью очень неприятное, кстати, ощущение.

Звякнул ключ от моего секретного замка.

Толчок в спину.

Зацепившись шлепанцем за порог, я грохнулась плашмя на пол, не успев опереться на все еще безжизненные руки.

Чехол с меня во время падения слетел, и, оглянувшись, я успела разглядеть высокую щуплую фигуру с капроновой маской на лице.

«Коготь?»

Он бросил ключи на пол, потянул за дверную ручку и беззвучно закрыл дверь.

Щелкнул замок.

Я вновь была в своей собственной квартире.

Прошло, наверное, часа полтора после моего пробуждения.

Я снова была в горизонтальном положении, правда, уже не на моей любимой антикварной кровати размером с небольшой теннисный корт, а на полу в коридоре.

И от моего утреннего элегического настроения не осталось и следа.

«Какой деликатный клиент попался. Что это он все нервничал, однако?» – подумала я и, поймав себя на речевом обороте, которым злоупотребляют жители Крайнего Севера, не могла не улыбнуться.

Глава 2

«Допрыгалась, голубушка...»

Уменьшительно-ласкательными именами я себя называю, только когда раздражена.

На саму себя, естественно.

Другой человек, кто бы он ни был и как бы себя ни вел, раздражения у меня не вызывает никогда.

Злость – бывает, желание оказаться с ним в постели – иногда, хотя и редко, ирония – почти всегда. Но чтобы я считала, что кто-то ведет себя не так, как должен вести, – такого со мной никогда не случается.

Люди поступают так, как считают нужным. Это закон жизни, а к законам у меня уважительное отношение. Будь то законы общения или законы государства.

Впрочем, утром я вовсе и не прыгала, а валялась в постели.

В крайнем расслаблении ума.

Иначе я сообразила бы, что на дачу Юрочка уехал еще вчера вечером, с ночевкой. Жена-то его у родственников в деревне, он такие моменты не упускает. Лишь бы от соседских глаз подальше, чтобы не настучали женушке.

Да я же вчера сама обратила внимание: его «Нивы» нет под окнами, дорогу не загораживает – Юрочка ставит машину не там, где удобно, а там, где из окна видно.

Значит...

Значит, кран в таком случае был открыт всю ночь.

А потоп начался только утром.

Одно из двух: или ночью не было воды, или у меня что-то с головой.

«Ласточка, тебя, наверное, сильно по головке стукнули...»

Ведь ты же вчера первым делом под душ полезла, чтобы смыть с себя ощущение липких рук, которыми тебя пытался лапать в ресторане этот юный козел, владелец „Аурума“. Он, видите ли, был тебе очень благодарен, но считал, что лучшее вознаграждение для женщины – его, козла, сексуальное внимание.

Так что не отключали ночью воду.

А просто ты – дура».

Возразить было нечего.

«Удобно на полу-то? Может быть, подушечку принести?»

«Принеси!» – чуть было не сказала я, но вовремя спохватилась.

Раздвоение сознания – первый признак растерянности и потери контроля над ситуацией.

А это верные симптомы будущего проигрыша.

Я действительно все еще лежала на полу в коридоре, внимательно рассматривая стесанные каблукы моих любимых туфель. Решив наконец не выбрасывать их все же, а отдать в ремонт (оказывается, эту проблему я обдумывала параллельно с вопросом о несвоевременности потопа), я с трудом села и тут же схватилась за голову.

Макушку венчала огромная шишка, которую даже погладить не удавалось – прикосновение причиняло резкую боль, а в глазах было полно какой-то золы, очевидно, от искр, сыпавшихся снопами после удара.

Кое-как я добралась до кухни, достала заветный пакет и запустила в него руку по локоть. Успокаивающая волна медленно поднялась по правой руке до плеча и расплескалась по всему телу.

Кофе. Пять килограммов зерен отличного мокко.

Я не знаю почему, но это всегда меня успокаивает.

Год назад эти зерна мне подарила колдунья из Индонезии, с которой мы познакомились в Джакарте на международном симпозиуме гадалок, организованном ЮНЕСКО. Она говорила только на своем местном наречии, и поначалу я лишь с сожалением разводила руками – и на английском, и на французском, и еще на дюжине европейских языков, на которых я кое-как, но все же могу изъясняться. Она была искренне огорчена и просветлела, лишь когда я догадалась выложить на стол перед ней кости, карты Таро и другой наш профессиональный инвентарь. В конце концов мы отлично поняли друг друга. Для языка символов нет существенных различий между Ведьмой из Тарасова и колдуньей с Калимантана. А в сочетании с языком жестов он, оказывается, способен служить для общения не хуже, чем какой-нибудь эсперанто. Эти зерна она собрала своими руками и высушила. «Не пользуйся ими часто, – предупредила она. – Пей этот кофе только в крайних случаях».

Ну что ж, случай, надо признаться, крайний.

За год я выпила две чашки. Пора заваривать третью.

Сердце перестало отбивать синкопированный ритм какой-то джазовой пьесы и перешло на мой любимый рабочий: «Строевой шаг, исполняемый взводом отличников боевой и политической подготовки». Впрочем, по последнему предмету это могут быть и двоечники.

Опухшая макушка уже не причиняла мне особого беспокойства и только оскорбляла мое эстетическое самосознание нарушением пропорций моей головы.

Постепенно начала восстанавливаться вся атмосфера утреннего общения со столь навязчивым клиентом.

Вспышкой в мозгу взорвалось негодование и наполнило мою кровь адреналином.

Мне выкручивают руки. Бесцеремонно стучат по голове. Суют головой в какой-то противный чехол и заставляют целый час нюхать лежалые нитки.

Я даже чихнула – то ли от возмущения, то ли от желания освободиться от воспоминания об этом запахе.

Наконец, меня толкнули в спину, и я грохнулась на пол и чуть не рассыпалась, как финансовая пирамида на пятом месяце своего существования.

Да меня фактически избили и унизили какие-то бритые ублюдки со лбами питекантропов и желаниями сексуально озабоченных гамадрилов. Меня, Ведьму, известную всему Тарасову своей интуицией, своей независимостью, своим интеллектом, своим... да своей красотой, наконец! Разве не я берусь за все дела об убийствах, перед которыми у уголовного розыска опускаются руки и все остальное? И нахожу убийцу! Разве не я освободила уже десять... да нет, пятнадцать заложников? Я! Не я спасла от разорения владельцев трех самых крупных на Турецкой улице магазинов, когда на них наехала молодая и потому наглая и голодная вьетнамская мафия? Я! А где теперь сама эта мафия? Сидит! А кто ее посадил? Я!!! Да я этих ублюдков... Нет, со мной так нельзя... Меня знают... Да меня все знают! Меня в Индонезии знают! На Калимантане! Меня...

Стоп.

Опять я забыла о ее предупреждении. Индонезийская коллега объяснила мне, что ее кофе не только помогает вновь обрести цельность личности и единство психики, но и обладает одним побочным действием: резко усиливает эмоционально-чувственное восприятие.

Три месяца назад, когда я пила вторую чашку этого кофе, на меня нахлынуло такое сильное физиологическое желание, абстрактное, не направленное ни на кого из знакомых мне мужчин, что я просто на стенку лезла, пока не сообразила, в чем тут дело.

Ну, конечно, стоило мне забыть о необходимости контролировать свое подсознание, которое с помощью этого кофе выплывает на поверхность психики, как меня тут же понесло: я! я! я! Просто фонтан «эго» какой-то получился.

Кстати, о фонтанах.

Один любимый мною литератор, с которым я даже почему-то ощущаю генетическое родство, писал, помнится:

«Если у тебя есть фонтан, заткни его. Дай отдохнуть и фонтану».

Воспользуемся советом мудреца. Может быть, я состою с ним в каком-нибудь дальнем и тайном родстве. Уж не согрешила ли с ним моя пра – или скорее прапрабабушка? Несомненно, она, как и я, владела тайнами оккультных наук и секретами мистического искусства. И уж конечно, любила ироничных литераторов. Значит...

Ничего не значит, кроме того, что у тебя, красавица, явные отклонения. А это еще один признак растерянности.

Хватит. Пора приходить в норму. Время идет, а вместе с ним уходят и твои шансы справиться с ситуацией.

Наконец реальность обрела твердые и определенные очертания. Голова работала четко и ясно, с надежностью добротного логического механизма. Типа счетной машинки «Феникс». Но для первоначального анализа ситуации и этого вполне достаточно.

Я убрала пакет с драгоценным кофе и уставилась на свое отражение в зеркале. Выглядела я довольно помято, но это сейчас меня мало беспокоило.

«Что делать будем?» – спросила я внимательно и спокойно смотрящую из зеркала Танечку Иванову.

Она молчала.

«Вот и отлично», – ответила я сама и потеряла интерес к проблеме раздвоения моего сознания.

Вопрос, однако, не рассеялся в пространстве, а, наоборот, настолько «набух» от своей актуальности, что почти материализовался. Я физически ощущала его в воздухе.

«Что делать?»

Ни садиться за решетку за преднамеренное убийство, ни отправляться по этапу на каторгу, подобно моему известному революционно-демократическому тарасовскому земляку, захватившему приоритет на риторическое использование этой вопросительной грамматической конструкции, ни долго и безуспешно лечиться от пулевых ранений, подобно другому любителю задаваться этим вопросом, решившему, что он знает ответ, и умершему в счастливом заблуждении, – ничего этого мне явно не хотелось.

У меня есть одно, очень помогающее мне в жизни убеждение: нет проблем без решения, нет вопросов без ответов, есть искусство формулировать вопросы.

Искусством этим я за многолетнюю практику предсказательницы и гадалки овладела очень неплохо и давно поняла, что прежде, чем браться за гадальные кости или магические карты, нужно четко себе представлять суть самого вопроса.

Минуту я сосредоточивалась, затем выдала новый вариант:

«Делать-то что?»

Ответ может быть не только положительный или отрицательный, невозможность сформулировать вопрос сама по себе достаточно информативна. Это тоже ответ. Причем однозначный.

«Не хватает информации».

А это уже подсказка – что делать.

Конечно же – собрать в кучу всю информацию, выстроить ее, а там она сама подскажет, куда направлять свои действия.

Итак: я должна найти человека, которого похитили и держат с целью выпытать обстоятельства предстоящей финансовой операции с крупной суммой наличных денег. Об этом человеке я не знаю практически ничего. Кроме того, что два дня он будет молчать, а потом почему-то расколется. Так считает клиент.

О клиенте известно гораздо больше. Если это действительно Коготь, достаточно заглянуть в вышедший месяц назад справочник «Криминальный Тарасов» и узнать о нем массу подробностей. Можно, впрочем, и не заглядывать, память у меня феноменальная.

В детстве, помню, я поставила в тупик врача-окулиста, называя ему без запинки все буквы из таблицы для определения остроты зрения. Он долго морщил лоб, пока не заметил, что я вовсе не смотрю на таблицу, а отвечаю по памяти, лишь следя за его указкой. И я честно призналась, что не вижу буквы ниже третьей строчки, просто, когда заходила в кабинет, взглянула мельком на таблицу.

За месяц справочник успел стать раритетом, но не потому, что пользовался огромной популярностью массового тарасовского читателя. Дело в том, что в нем содержалось девяносто восемь фамилий, наиболее известных в тарасовских криминальных кругах. На каждую фамилию справочник сообщал массу сведений «закрытого» для гражданского общества характера. Причем не выдуманных, а полностью соответствующих реальности. Это я поняла, как только раскрыла тоненькую книжечку на первой попавшейся странице.

Поняла и то, что автор страдает то ли мазохистским, то ли суицидальным комплексом. Любой из девяносто восьми указанных в справочнике имел основания свести с ним счеты за разглашение нежелательной и даже опасной для себя информации.

Помню, я секунд за тридцать раскрыла прозрачный псевдоним, за которым укрылся молодой, но уже скандально известный тарасовский журналист, и, позвонив ему в редакцию, посоветовала уехать из города, пока взволнованная свалившейся на нее информацией уголовного будет сажать его героев и читать вместе с ними справочник страничку за страничкой. Он тогда бросил трубку, а через три дня попал в очень сложную дорожную ситуацию, когда обнаружил, что тормоза в его машине испорчены, а впереди крутой спуск на трассе с интенсивным движением. Проявляя чудеса вождения, он почти преодолел весь спуск, но в конце вылетел за обочину и врезался в кооперативный гараж, пробив металлические ворота и изуродовав не только себя, но и стоявшую в гараже машину. Не знаю даже, остался ли он жив, помню только, что его отвезли в спецгоспиталь УВД.

Надо ли говорить, что справочник разошелся мгновенно, причем знакомые мои книжные лоточники рассказывали, что книга уходила партиями, причем по астрономической цене. Сейчас «Криминальный Тарасов» можно найти только у коллекционеров-библиофилов. Можно даже и купить. Он стоит чуть дороже, чем подержанная «шестерка» выпуска начала девяностых с разумным износом двигателя.

О Когте там сообщалось следующее:

«Когтев Иван Дмитриевич. Год рождения – 1964. Образование – среднее. Женат. Жена – Когтева Людмила Анатольевна, 1966 года рождения, образование – незаконченное среднее, домохозяйка. Детей нет.

Руководитель организованной преступной группировки (ОПГ) „Зона отдыха“, включающей 20—25 постоянных членов. Криминальную деятельность начал в 1980 году, объединив вокруг себя рэкетиоров-индивидуалов, работавших в микрорайоне тарасовской городской Зоны отдыха имени Короленко. При переделе сфер влияния в 1988 году был тяжело ранен в разборке с чеченской группировкой. Его группа была ликвидирована чеченцами. Сведений о деятельности в 1989—1992 годах нет. В 1993 году вновь появился в Тарасове и захватил лидерство в группировке того же микрорайона. До 1996 года его группа ликвидировала не менее 27 человек, в том числе 80 процентов чеченской группировки. За это время 8 раз был арестован, но не судим, поскольку его участие в ликвидациих ни разу не было доказано. В 1996 году перешел на легальное положение, открыв посредническую фирму „Зона отдыха“. Уставной капитал при регистрации – 5 миллионов рублей. В 1997 году двое когтевских соучредителей по „Зоне отдыха“ утонули в Волге. Есть основания предполагать, что не без помощи Когтева. Тела их не найдены. Сегодняшний оборот „Зоны отдыха“ – около пяти миллионов долларов. Число рабо-

тающих –14 человек: директор, секретарь, два охранника, десять менеджеров. Неофициально фирма располагает двумя опергруппами боевиков численностью по 8 – 9 человек. Контролирует западный сектор города и вокзальный район. Преимущественные интересы – оптовая торговля продуктами питания, недвижимость, медикаменты. Осуществляет в своем секторе контроль за торговлей оружием и наркотиками. Зависимым от „Зоны отдыха“ фирмам принадлежат 2 промышленных предприятия, 7 магазинов, 18 ларьков».

Теперь припомним психологические моменты нашего утреннего разговора.

Во-первых, он явно нервничал.

Хорошо бы знать почему?

Из-за Саида? Боится его?

Ну да – чеченцев он не боится, а узбеков боится.

Я мысленно пожала себе руку и произнесла ритуальную фразу: «Поздравляю вас, гражданинка, соврамши!»

Что же тогда? Боится, что из-за разборки с узбеками сорвется все дело и ему не достанется лакомый кусочек?

Почем у нас, кстати, сегодня заводы? Авиационные?

Сказать трудно. Наш авиационный, конечно, банкрот. С полгода уже как стоит и только митингует, зарплату требует. Но ведь там основных средств сколько! Горы корпусов. Километры площади. Если все это сейчас по дешевке купить... Да по-умному распорядиться... Да потом махнуть куда-нибудь подальше от Тарасова...

Наверное, соблазнительно.

Только вот есть одна неувязочка.

Не будет Саид с Когтем связываться. Он Когтя, конечно, не боится, но рисковать своей легальной стабильностью не будет даже из-за авиазавода. Осторожный он. И предусмотрительный. Кстати, его фамилии не было в «Криминальном Тарасове». Хотя ее там не могло не быть. И скорее всего она там была. Девяносто девятой. Или сотой. Но вышел справочник без Хашиева. Сколько бы ему это ни стоило, теперь у него проблем нет: так же спокойно и уверенно правит своим туалетным ханством, а не торчит на допросах в уголовке.

И что же из этого следует?

Да ничего не следует.

Я наконец поняла, что избегаю главной проблемы: мне поручили не только найти, а убрать, ликвидировать, убить человека. И это самое неприятное.

Конечно, мне приходилось убивать людей.

Моя профессия предполагает опасные ситуации, и слишком часто. И от того, кто выстрелит первый, зависит, кто останется в живых. А поскольку жить мне всегда хочется, я обычно не дожидаясь, когда будет нажат курок наставленного на меня пистолета.

На моем счету не столько трупов, сколько у Когтя, но дело, собственно, и не в этом. Я убивала только защищаясь. И никогда, и никто не может заставить меня убить человека, который не угрожает мне немедленной смертью.

Никто и никогда.

Коготь совершенно недвусмысленно поставил меня перед выбором: или я убиваю его пропавшего заместителя, или он убьет меня. Учитывая его квалификацию, я не сомневаюсь в реальности угрозы.

Проблема заключается в следующем: можно ли расценивать обещание Когтя меня пристрелить как угрозу немедленной смерти?

Наверное, нельзя. Или можно?

От того, как я отвечу на этот вопрос, зависит, что мне делать дальше.

Пора посоветоваться с высшими силами.

Я достала гадальные кости, которые всегда при мне. Они столько раз помогали мне принимать правильные решения в сложных ситуациях. Три косточки, отполированные прикосновениями пальцев нескольких поколений индийских и индонезийских колдунов. Двенадцать граней на каждой. Три набора цифр, которые складываются в тысячи комбинаций, для каждой из которых есть свое толкование. Все они записаны в гадательных книгах. Но с моей памятью не нужно в них постоянно заглядывать, символическое значение каждой комбинации я помню наизусть.

Кости матово блеснули и застыли на кухонном столе.

2+32+20.

«Воздержитесь от решений, наверняка они провалятся».

Ну что, съела?

Кости-то сегодня заодно с Когтем.

Сказано же тебе было: работать начнешь завтра. Вот и не рвись в бой, как застоявшийся Россинант. До субботы успеешь еще и набегаться, и голову поломать.

Я невольно взялась за макушку. Каламбурчик получился не слишком удачный.

Короче – все. Отдыхать. Активных действий не предпринимать, ждать, когда само что-нибудь свалится на голову.

О-о-о! Опять про голову...

Думать о чем-либо вообще расхотелось.

Осталось единственное желание: как можно скорее оказаться там, где застало меня сегодняшнее утро, – в своей антикварной кровати.

Это ли не цель желанная? Забыться сном. Уснуть... и видеть сны?

Хватит цитировать классику. Подъем. И марш в постель.

Пять шагов по коридору показали мне десятью километрами степной дороги, если судить по насыщенности дорожных впечатлений.

Но стоило мне увидеть свой письменный стол, как оцепенение с меня мигом слетело.

Помнится, на нем должен стоять тазик, в который лилась вода с потолка. И еще должен валяться в луже воды испорченный журнал.

Ничего этого на столе не было. Он сиял насухо вытертой полировкой, и на нем красовалась белая пластмассовая папка для бумаг. Сверху было типографски оттиснуто «CLIP FILE A4», и больше ничего не было.

Кажется, уже что-то свалилось, хотя и не на голову.

Я даже посмотрела вверх, но, кроме обезображенного мокрым пятном потолка, ничего, конечно, не увидела.

«Посмотрим, что за папочка», – сказала я себе, плюхаясь на постель.

Внутри оказалась целая куча каких-то документов.

Я перелистала их все и поняла, что Коготь позаботился собрать информацию о своем пропавшем Сапере и доставил мне ее на дом. Пока я сидела наверху без сознания.

Спасибо и на этом. Значит, я экономяю как минимум полдня, которые ушли бы на добытие подобной информации.

Мое внимание привлекла одна странность в подборе документов: их как будто вытряхнули из традиционной бабушкиной картонной коробки, которая затем переходит в наследство дочери, потом внучке и в которой хранятся документальные следы существования поколений.

Сверху лежало свидетельство о рождении Сапелкина Дмитрия Ивановича, выданное Октябрьским районным загсом города Тарасова в 1964 году. Под ним – несколько табелей успеваемости за разные классы средней школы, аттестат об окончании. («Смотри-ка, ни одной тройки», – искренне удивилась я.) Совершенно сбила меня с толку следующая бумажка – почетная грамота, которой был награжден в 1972 году токарь-фрезеровщик шестого разряда

Иван Николаевич Сапелкин за успехи в социалистическом соревновании. Затем следовало свидетельство о разводе родителей Дмитрия Сапелкина, датированное тем же 72-м годом.

Потом я просто листала какие-то бумажки, пока не наткнулась на написанный от руки список, озаглавленный следующим образом: «Статьи, под которыми ходит Сапер». В нем было восемь строк, состоящих из цифрового кода статей Уголовного кодекса РФ последней редакции без всякой расшифровки и комментариев. Это не помешало мне тут же прикинуть общую сумму маячившего Саперу срока.

М-м-м-да-а... Если бы в судебной практике не существовало правила поглощения меньшего срока большим, Саперу светило бы тридцать четыре года пребывания в местах лишения свободы. Как раз столько, сколько он успел уже прожить на свете.

Одно убийство, два ограбления, одно вымогательство, остальные – мошенничество. Вот, значит, кого мне предстоит ликвидировать.

Хотелось бы взглянуть на внешность этого героя моего «криминального романа». Я не верю Ломброзо и Лафатеру, но почему-то не думала, что Сапер окажется обладателем слишком уж облагороженной интеллектом физиономии. Внутреннее чувство подсказывало мне, что фотографий я в этой папочке не найду.

Я быстро пролистала оставшуюся пачку бумаг. Так и есть.

Ни одной фотографии.

Не тем я занимаюсь. Иду на поводу у Когтя. Он мне для чего-то эту папочку подсунул.

Я потеряла всякий интерес к подброшенным мне бумагам и швырнула папку на влажный еще пол. Пошел он к дьяволу со своим Сапером, кто бы там его ни похитил.

Вот позвоню сейчас в ФСБ, и пусть они разгребают сами эту кучу дерьма.

Я даже потянулась к лежавшему на подушке телефону.

Но что-то меня остановило. Ах, да – кости: «Воздержитесь от решений...»

Не бросить ли еще разок? Вопрос принципиальный: звонить или разгрести вышеозначенную кучу самой?

Я вновь достала кости.

То, что произошло потом, повергло меня в состояние оцепенения. Я попыталась подсчитать вероятность случившегося, но число вырисовывалось настолько нереальное, что я невольно взглянула на кости – они-то хоть существуют.

Трогать руками я их боялась, уверенная уже, что и третий раз подряд выпадет: $2+32+20$ – «Воздержитесь...» и т. д.

Все. Теперь я настолько воздержусь, что даже пальцем не пошевелю. Одна и та же комбинация чисел подряд два раза – это уже не предсказание, это предупреждение. А когда кости предупреждают, не стоит проявлять строптивость и настаивать на своем.

Через минуту я откровенно засыпала. Сознание вяло барахталось на поверхности, цепляясь за обломки еще недавно столь важных для меня мыслей.

«Информации – море...

Если я одного из них не убью, другой...

Нет, ни за что на свете...

Я вам не киллер, я...

Куда ж нам плыть?

Зачем мне вообще куда-то плыть? Зачем трогаться с места, с моей шикарной уютной кровати? Зарыться в нее, забыться в ней... уснуть, погрузиться, утонуть...»

Темная, желанная, туманная мгла рванулась мне навстречу. Я растворялась в ней, принимая в себя ее и отдавая ей всю себя. Я сама стала этой мглой, я знала все и обо всем.

Передо мной не стояло ни одного вопроса, ни одной проблемы. Мои желания тут же превращались в действия, не давая мне возможности даже сформулировать их.

Все вокруг заливал резкий, яркий свет.

Какие-то бесконечные коридоры с уходящими вверх и вниз лестницами, по которым я немедленно устремлялась, стоило мне почувствовать под ногами первую ступеньку.

Путь был бесконечен, я уже задыхалась, я торопилась, но ступеньки возникали одна за другой без малейшей надежды, что они когда-нибудь закончатся. Ступени были крутыми и высокими, стертые ежедневными подъемами и спусками тысяч подошв, они были скользкими и делали каждый шаг обманчивым и опасным. Иногда я срывалась и проезжала целую лестницу по этим скользким ступеням, охваченная волной радости от того, что так быстро удаляюсь от преследования.

Там, у начала первой лестницы, я смогу остановиться и, оперевшись на широко расставленные ноги, поднять свой пистолет и уверенно ждать падающее на меня огнедышащее чудовище, гнавшее меня сверху вниз по лестницам.

Я чувствовала обжигающие языки огня на своем лице, волосы мои вспыхивали каждый раз, когда меня охватывало клубом пламени.

Как только я четко увижу его голову, я выстрелю.

Наконец-то из клубов дыма выныривает знакомая голова в черной капроновой маске, торчащая на отвратительной длинной драконьей шее. Я знаю, что это Коготь и мне нужно первой нажать курок.

И, уже нажимая его, я замечаю вторую голову в такой же капроновой маске слева от Когтя – и ее я знаю: это голова Сапера, и сейчас она сожжет меня огромным клубом ядовитого пламени. Уже практически после выстрела, когда пуля выходила из ствола пистолета, я чуть качнула стволом влево и подрезала пулю, как футбольный мяч или теннисный шарик.

Медленно, очень медленно, так, что я видела, как она вращается в плоскости, перпендикулярной направлению выстрела, пуля летела в Когтя, все больше и увереннее отклоняясь в сторону головы Сапера...

Глава 3

Меня разбудил выпуск телевизионных новостей.

Чтобы не пропустить чего-нибудь важного из текущей официальной информации, я заранее программирую таймер своего телевизора на неделю вперед, и голоса дикторов врываются в мою жизнь организованными мною самой неожиданностями.

Еще отстреливаясь во сне от кошмара, я слушала сухие официальные фразы, половина которых вообще не содержала никакой информации, кроме свидетельства о недостаточном владении их авторов нормальным русским языком.

Середина очередного стилистически-грамматического феномена заставила меня широко раскрыть глаза и уставиться на вещавшую с экрана перезрелую девицу, интонации и движения которой говорили о ее непреодолимом желании походить на Арину Шарипову. Она точно копировала слова и жесты, но провинциальные дикторы отличаются от звезд информационной службы Центрального телевидения так же сильно, как заводные куклы от настоящих младенцев: жизни в них нет, непосредственности.

Впрочем, в тот момент я об этом не думала, слова, произносимые вполне посредственной телевизионной девицей, сами влетали в меня и прочно во мне застревали, поскольку были адресованы именно мне, я в этом была уверена.

«Губернатор Тарасовской области поставил перед правительством Тарасовской области задачу перепрофилировать находящийся, как известно, в очень сложном финансовом положении авиационный завод на выпуск сельскохозяйственной техники, в которой так нуждаются сегодня труженики тарасовских полей. Перед ними стоит почетная и ответственная задача...»

Что там стоит в сельской местности перед нашими тарасовскими крестьянами, я дослушивать не стала. Хотя предположить можно было лишь одно: стоит то же, что всегда стояло и стоять будет. И не изменится положение наших полукрепостных-полураскрепощенных свободным рынком крестьян, даже если мы на авиационных заводах начнем выпускать сеялки с веялками, Байконур засеем свеклой, а стратегическую авиацию переклепаем на химическую обработку полей. Как была у нашего российского хлебороба единственная свобода выбора – трахнуть смазливую поселянку в живописной копне душистого сена или сделать лишний круг на своем тракторе по необъятному полю – так и будет он вечно совершать свой выбор не в пользу повышения производительности сельскохозяйственного труда.

Но я даже не стала думать об этом, мысль мелькнула так... метеором в сознании. Сегодняшняя я нисколько не напоминала вчерашнюю.

Мельком поразившись, что за окном – солнечное утро, вероятно, уже среды, я отправилась под душ и устроила себе такую контрастную встряску, что от моих вчерашних размышлений, полных сомнений, не осталось и следа. Я точно знала: что делать, как делать и зачем.

Работа есть работа, ее система сидит у меня в крови: обработка информации, выработка версии, проверка ее соответствия реальности. И так последовательно по всем вариантам.

Конечно, иногда, и даже очень часто, я выбираю единственный истинный вариант из 10—15 возможных; иногда я прибегаю к помощи магии; иногда я настраиваюсь в резонанс с нужным мне человеком и получаю всю информацию, интуитивно угадывая его действия. Недаром же сложилась моя репутация ясновидящего сыщика.

Но если я когда-нибудь стану превозносить свою интуицию и утверждать, что распутываю узлы криминальных загадок и раскрываю абсолютно «мертвые» дела с помощью методов исключительно ментальных и магических, пожмите мне руку и произнесите ритуальную фразу: «Поздравляю вас, гражданин, соврамши!»

Успех сыщика лишь на пять, ладно, пусть на десять процентов зависит от его интуиции. Остальное – сплошная логика, которую лишь изредка разнообразят физические разминки:

погони, преследования, драки, перестрелки, несанкционированные проникновения на охраняемые объекты и тому подобные каскадерские штучки. Девяносто процентов логики плюс десять процентов интуиции – вот формула моего труда.

Рассуждая о трудностях своей профессии, я набрала номер ответственного секретаря газеты «Тарасовские вести» Лешки Алексеевского.

Вот кто мне сейчас нужен. Стоит мне только сказать: «Леха! У меня срочное дело на авиационном», и через три минуты у меня будет временное удостоверение внештатного корреспондента «Тарасовских вестей», а Лешка уже будет просить по телефону какого-нибудь заместителя директора, чтобы меня встретили у проходной и не дали заблудиться в лабиринте заводских корпусов.

Ну, давай же, борода, бери трубку.

«Алло-о!»

Вместо скрипучего Лешкиного баритона меня приветствовал профессионально призывный женский голос. Знаете, сейчас все секретарши изображают этаких ласковых дурочек, ошарашивающих тебя интонациями, более всего соответствующими ситуации, в которой, находясь в сексуальной зависимости от мужчины, ты приносишь утреннее кофе ему в постель. Не знаю, как на мужиков, а на меня от этого веет плохо замаскированной фригидностью. На пэтэушных курсах им голоса ставят, что ли?

Так. Лешки на месте нет. Ладно, работаем по запасному варианту.

– Девушка, подскажите, пожалуйста, телефон отдела экономики.

Через сорок пять минут я уже ехала на «девятке» своей подружки Светки в сторону авиационного по пыльной улице Достоевского, с которой по распоряжению нашего охваченного реформаторским зудом губернатора сдирали трамвайные рельсы. Это воплощалась в жизнь одна из его кардинальных реформ – замена рельсового транспорта автобусным и троллейбусным.

Мне, собственно говоря, было бы до лампочки, если бы не постоянные заторы и объезды из-за переполнявшей проезжую часть дорожно-строительной техники. Что трамваями, что троллейбусами я пользуюсь только в крайних случаях – уходя от слежки или заматаив следы.

Номер моей машины слишком хорошо известен и тарасовскому горГАИ, и моим потенциальным клиентам. Поэтому я часто пользуюсь Светкиной машиной.

В редакции все прошло именно так, как я и предполагала.

Я ни минуты не сомневалась, что никакие внештатные корреспонденты в отделе экономики не нужны. В «Тарасовских вестях», плативших в отличие от других газет умопомрачительные гонорары, даже штатные сотрудники вечно дрались за место в очереди на публикацию. Но из дружеской болтовни с Лешкой Алексеевским, которой мы изредка предавались за чашкой кофе в летнем кафе на Турецкой улице, я достаточно хорошо представляла себе профессиональные достоинства и житейские слабости журналистов этой газеты.

Отделом экономики руководил талантливый неудачник Саня Клейстеров, у которого в годы брежневского правления ушла почва из-под ног вместе с женой и уверенностью в своих профессиональных и мужских способностях. Сегодня он писал очень язвительные и ироничные материалы об экономической политике нашего новоиспеченного губернатора, на которые абсолютно никто, ни читатели, ни сам губернатор, не обращал внимания, ежедневно пил разливную «Анапу» в забегаловке на соседней с редакцией улице и страдал. Страдать в одиночку сорокапятилетний Александр Софронович не умел, а потому цеплялся за каждую попадающую в поле зрения юбку и часто искал забвения между грудей ее обладательницы, орошая их пьяными, но искренними слезами.

Каюсь, я воспользовалась знанием психологических проблем Александра Софроновича и, подав ему вполне определенную надежду на возможность совместного и очень вниматель-

ного обсуждения моего первого материала, тут же получила не только статус посланца редакции, но и задание побывать на авиационном, стоило лишь мне на это намекнуть.

В моей жизни никогда не было таких мужчин и, смею думать, никогда не будет, если, конечно, меня не поразит какое-нибудь патологическое слабоумие. Они никогда не вызывали у меня ни интереса, ни жалости, ни презрения. Но чем они, собственно, хуже или лучше всех этих «крутых» ребят, всаживающих пули друг другу в лоб только потому, что по-другому не умеют решать свои проблемы?

Просто таковы правила игры мужчин, покинутых в детстве женщинами. Игры «сироток», замышлявших втайне от себя убийство отца и не простивших «предательство» матери...

Минут пять я решала проблему парковки, безуспешно пытаюсь всунуть «девятку» между приподнятых задов «бээмвэшек» и самоуверенно-безразличных спин джипов. Небольшая площадь перед проходной была до отказа забита средствами передвижения: это было похоже на выставочный зал автомобильного салона – разве что «Запорожца» не удалось мне встретить в стройных шеренгах скучающих без хозяев автомобилей.

Пристроив наконец машину метрах в трехстах от проходной, я спокойно направилась к огромным стеклянным дверям, на ходу обдумывая последовательность вопросов, с помощью которых намеревалась добыть необходимую мне информацию.

У турникета путь мне преградила в буквальном смысле неохватных размеров вахтерша.

На непрофессионала она скорее всего должна была производить грозное впечатление: головы на две выше меня, одета в форму защитной расцветки, на боку – кобура с торчащим из нее «макаровым», как я определила по рукоятке, но главное – свирепый взгляд и сдвинутые к переносице широкие черные брови. Меня это все, конечно, не обмануло, я сразу увидела и маскарадный, а не маскировочный костюм, и крайне неудобно для руки расположенную кобуру, и напряжение мышц лица, искусственно фиксирующих свирепость взгляда.

«В чью честь спектакль? – подумала я, молча подавая свою редакционную ксиву. – Высокие гости?»

– Андреич! Проводи еще одну, – высоким и совершенно несоответствующим ее внешности, каким-то бабьим голосом закричала свирепая охранница. – Что ж опаздываешь-то? – по-дружески проворчала она, возвращая мне бумажку. – Иди-иди, в сборочном они. Андреич проводит.

Андреич оказался хмурым юношей лет восемнадцати, у которого было неважное настроение, вероятно, из-за того, что ему очень хотелось в сборочный цех, туда, где все, а он вынужден был торчать у проходной, карауля опоздавших.

Сейчас в роли опоздавшей оказалась я. Интересно, на что это я опаздываю?

Доведя меня до дверей сборочного и вконец расстроясь, Андреич побрел обратно, а я проскользнула в цех.

– ...и думал: чем же они лучше нас, тарасовцев? Да ничем. Такие ж люди, только японские, – усилитель разносил по гулкому цеху хорошо знакомый и даже уже набивший оскомину за предвыборную кампанию голос нашего губернатора. – Почему же они живут лучше нас? Ведь у нас земли в тысячу раз больше. И мы столько зерна вырастим за год, что эту Японию будем десять лет кормить со всеми ее японцами. Если, конечно, наладим выпуск комбайнов. Пусть только попробуем не наладить, – туманной фразой закончил свою тираду губернатор. Но, наверное, для директора завода в ней не было никакого тумана.

Я провела рекогносцировку.

В цехе – человек триста народу, причем как минимум половина – чиновники, их сразу узнаешь среди других людей, не по одежде, не по манере себя вести – по тусклому, безжизненному какому-то взгляду, в котором, кроме тупой исполнительности и непроходимой лени, можно различить только ненасытное корыстолюбие.

На чем-то вроде авиационного трапа – губернатор, общающийся с народом. Чиновники каждую паузу в его речи заполняли довольно оживленными аплодисментами.

Народ, правда, пока безмолвствовал и явно что-то обдумывал.

Я потихоньку двинулась в сторону народа. Надо же узнать его мнение.

Пристроившись к плечу пожилого мужчины лет шестидесяти и слегка оттеснив его, чтобы он понял, что я стараюсь получше разглядеть присутствующих и самого губернатора, я через минуту произнесла мрачно-озабоченным тоном:

– Сколько набралось-то, как тараканов.

Пожилой чуть повернул в мою сторону голову.

– Сама-то ты кто...

– Уж если мы кто и есть, так во... – я постучала костяшками пальцев по голове.

– Нам крошек с этого стола не перепадет. А кто митинговать будет, всех на улицу – под зад коленкой...

Пожилой в сердцах сплюнул. Я взглянула на него, изо всех сил стараясь передать взглядом ощущение безвыходности затравленной жизнью женщины.

Пожилой наконец решил, в каком из цехов я, на его взгляд, должна работать.

– Вас всех из конструкторского первых попрут. На хрена ему наши самолеты, ему комбайны нужны. Он одной рукой деньги из бюджета вынимать будет, а другой себе в карман класть, через наш завод и через комбайны, которые мы клепать начнем...

– Как это? – Недоуменный вопрос выскочил у меня совершенно искренне, не как у мифической авиационной конструкторши, а как у старшего детектива Т. Ивановой.

Но в сложившейся ситуации это, видимо, особой разницы не имело. Пожилой повернулся ко мне всем корпусом и посмотрел на меня как на дуру.

– Как? А вот так!

Он сделал характерный жест, смысл которого можно передать выражением: «поимели как хотели».

– У него тридцать процентов наших акций. А у нас с тобой по сколько? По пять штук? Вот и выходит, что мы с тобой во...

И он тоже постучал костяшками пальцев по лбу. Признаюсь, у него это вышло гораздо убедительнее, чем у меня.

Он еще раз плюнул себе под ноги и пошел к выходу. Я отправилась следом. В спины нам летело:

– ...потому что Тайвань не жалеет инвестиций для своих предприятий. Это очень умная экономика. Я уже поручил министерству разработать наш, тарасовский вариант тайваньского варианта. Для инвестиций в производство комбайнов я выбью деньги из кого угодно. Вы должны уже были понять, что я просто так ничего не говорю, слов на ветер не бросаю. Ну а если не поняли...

Я не стала дослушивать, чем грозит непонимание туманных губернаторских намеков, и прикрыла за собой громоздкую дверь.

Впрочем, намеками губернаторские слова звучали только для непосвященных, если таковые в зале были, и для присутствующих на встрече журналистов – в качестве смыслового образца: пиши что хочешь, как хочешь и о чем хочешь, но смысл должен быть именно тот, что прозвучал у губернатора.

Результатами своей псевдожурналистской вылазки я не была ни удивлена, ни разочарована. Можно сказать, я ждала чего-то подобного. Ждала с самого начала, как только услышала о предполагаемой покупке Когтем авиационного завода.

В достоверности полученной в цехе информации я не сомневалась.

Пожилой мужчина, как я запросто выяснила у вышедшего меня проводить за проходную и плотоядно блестящего глазами Андреича, был председателем профсоюза сборочного цеха и, что самое главное, членом комиссии, наблюдающей за действиями администрации. Знать главных держателей акций он не только мог, но и должен был.

Конечно, губернатор сам не будет светиться в качестве акционера, его интересы кто-нибудь тайно представляет. Но не только шила в мешке, не утаишь и пакет акций, дающий право контроля. К тому же деньги доверяют только близким и преданным людям. И достаточно взглянуть на список акционеров...

Что мы сейчас и попытаемся сделать.

Я вновь набрала телефон Алексеевского. На этот раз он был на месте.

– Кто из близкого окружения или родственников губернатора является акционером АО «Авиатор»? – переспросил Лешка. – Ответу тебе сразу – никто. Мы уже анализировали эту ситуацию.

А я, между прочим, ему ничего не говорила. Сам сообразил. Идея-то, оказывается, носится в воздухе.

– Но это не говорит о том, что ее не существует. Я имею в виду ситуацию, – продолжал Алексеевский. – Интересный факт: среди держателей акций авиационного числится бывший соратник губернатора – Днищев, который пропал из поля зрения полтора года назад, когда губернатор еще только собирался в свое нынешнее кресло. Мы располагаем общим списком акционеров, количественное распределение – это закрытые сведения.

– У него тридцать процентов, поверь мне на слово...

– На картах, что ли, нагадала? – съязвил Лешка. – Нужны доказательства...

Я повесила трубку. Доказательства нужны Лешке, мне доказывать ничего не нужно.

В результате всей моей сегодняшней суеты один факт оказался для меня неоспоримо доказанным.

Коготь врал о покупке им авиационного завода.

Зачем?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно провести логико-семантический анализ предыдущего высказывания.

Не подвергающаяся сомнению ложность утверждения о покупке конкретного завода должна обладать функциональностью высказывания, то есть иметь имманентно содержащуюся в ложном утверждении цель.

Какие цели можно вообще выразить данной семантической структурой?

Можно, например, дезинформировать получателя информационного сообщения. То есть меня.

В чем дезинформировать? Вариантов немного.

Первый: не Коготь покупает авиационный завод.

А кто?

И если это не Коготь, то при чем же здесь его заместитель Сапер и что у него хотят выпытать?

Здравого смысла в первом варианте слишком мало.

Второй: Коготь не покупает авиационный завод.

Опять-таки непонятно, при чем здесь Сапер? И если речь не идет о денежной операции, то кто его похитил и зачем?

Третий: Коготь покупает не авиационный завод.

А что же он покупает?

А что угодно: другой завод, магазин, вертолет, космический корабль, килограмм соленых огурцов, наконец. Что хочет, то и покупает. Зачем, собственно, об этом сообщать мне?

Это высказывание слишком общего плана, чтобы им можно было что-либо сообщить конкретное или, наоборот, с помощью него утаить что-либо конкретное.

Наконец, еще один вариант: не Коготь врал о покупке авиационного завода...

Стоп, стоп, стоп, ну это вообще белиберда какая-то получается. Видно, ничего толкового из этой фразы уже не выжмешь.

Суммируем позитивные утверждения.

Что у нас получается? Что суммировать, собственно говоря, и нечего.

Вывод однозначен – похищение Сапера не имеет отношения к финансовой сделке.

На этом, однако, анализ не исчерпал своих возможностей.

Коготь наверняка знал, что губернатор собирается выпускать комбайны вместо самолетов.

Узнать об этом не стоит совершенно никакого труда. В правительстве можно купить сведения о чем угодно. Оно мне напоминает восточный базар: ты найдешь информацию обо всем, что тебя интересует, стоит только хорошо поискать, да и купить ее можно будет за любую цену – все зависит от того, насколько опытен продавец и умеешь ли ты торговаться.

Так или иначе, я никогда не поверю, что Коготь случайно упомянул авиационный завод накануне сообщения о крутой перемене в судьбе этого завода. А раз не случайно – то намеренно был выбран именно авиационный завод.

Почему? Ответ довольно прост: в случае с АО «Авиатор», курируемым губернаторской группировкой, легче всего проверить слова Когтя и убедиться, что он врет.

То есть Коготь врет демонстративно, как бы подчеркивая сам факт своего вранья, обращая на него мое внимание. И тем самым подтверждает уже полученные мною выводы: похищение Сапера не имеет отношения к деньгам и еще – что-то не совсем понятно в поведении самого Когтя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.